

ФОРМУЛА ДОБРА

приключения
необыкновенной собаки

Долгожданное
продолжение!

Михаил Самарский

Михаил Александрович Самарский
Формула добра

Серия «Приключения необыкновенной собаки», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3374185
Формула добра: Эксмо; М.: 2012
ISBN 978-5-699-57003-4

Аннотация

Если ты собака-поводырь, то привередничать на работе тебе не к лицу. Вот и лабрадор Трисон поступил на службу к весьма необычной подопечной. Со слепой старушкой не побегаешь, не поиграешь, но он отлично справлялся со своей задачей, несмотря ни на что. Правда, скоро все изменилось, судьба преподнесла сюрприз. И верный помощник попал к совсем другим хозяевам. Поводырь стал... охранником! Казалось, быть на страже в детском садике – легче легкого, пока там не произошло страшное событие. Однако Трисон не простой пес, поэтому даже в критической ситуации смог показать себя с лучшей стороны!

Содержание

Вместо пролога	4
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Самарский

Формула добра

*Памяти моей прабабушки
Анны Артёмовой
посвящается*

*Собака так предана, что даже не веришь в то, что человек
заслуживает такой любви.*

И. Ильф

Вместо пролога

Ав-ав, дорогие мои человеки, в смысле, здравствуйте! Узнаёте? Давненько мы с вами не виделись. Соскучился – не то слово! Приветствую и новых друзей! Если вы ещё не читали мою первую книгу «Радуга для друга»¹, позвольте представиться: лабрадор Трисон! Окончил специальную школу по подготовке собак-поводырей. Наверняка вы слышали о такой профессии. Мы помогаем слепым людям. Правда, не все знают, как проходит обучение, как мы работаем, что умеем делать и вообще – на что способны.

Сразу скажу: работа у нас не из простых, хотя мы и не ищем лёгких путей, наша основная задача – преданно и беззаветно служить человеку. В своей первой книге я рассказал, как трудился у ветерана Ивана Савельевича (царство ему небесное), затем – у незрячего подростка Сашки. Вы знаете, в это, наверное, трудно поверить, но однажды я даже подарил своему юному другу самую настоящую радугу. Да-да, вот так бывает. Кстати, у нас, поводырей, не принято называть людей, у которых мы работаем, своими хозяевами. Мы зовём их подопечными. И вы потом поймёте почему.

Не всё в нашей работе проходит гладко, иногда приходится заниматься и совсем неожиданными делами. Иными словами, поводырь в критической ситуации должен уметь быть и спасателем, и защитником, и даже...

Впрочем, не стану вдаваться в подробности. Если вам интересно, прочитайте первую книгу. Ох, и намыкался я там! А сейчас я хочу поведать вам о моих новых приключениях. Забегая вперёд, скажу лишь одно: этой книги могло и не быть, потому что я несколько раз оказывался на волосок от гибели. Но, слава богу, всё обошлось – как говорится, мир не только не без добрых собак, но и не без добрых людей. Не корите меня строго, но люблю я в ваши человеческие поговорки добавить чуточку и наших мыслей.

Пораскинул я тут своими собачьими мозгами и решил: наверняка вам будет интересно, что же произошло дальше. А то мы расстались в прошлый раз совсем внезапно – мне даже неловко.

На пенсию, согласитесь, рановато – ещё работать и работать. Не зря ведь меня столько времени обучали в специальной школе. Не знаю, как у вас с этим делом, а у нас такими кадрами не разбрасываются. Поводыря в сторожа никто не отправит (хотя, признаюсь, уже бывало и такое – я обо всём расскажу). Такие специалисты, как я, на вес золота. Пока есть нюх, зрение, силы и, конечно, образование, буду трудиться.

Но не стану сам себя нахваливать, а то меня из-за первой книги и так хвастуном обозвали. Но, поверьте, я не ради самохвальства подробно рассказываю о себе и своих способ-

---

¹ «Радуга для друга», повесть, Михаил Самарский, Эксмо, 2012 г.

ностях – для вас, для людей, стараюсь. Признайтесь, ведь до нашего знакомства многие из вас даже не представляли, что такое собака-поводырь и как она работает. Это, между прочим, не моя выдумка. Мне об этом сами читатели рассказывали. Серьёзно говорю.

Я тут однажды один день даже актёром побывал. После того как повесть «Радуга для друга» вышла в свет, меня пригласили на презентацию книги. Да-да, честное слово. Как раз в то время в нашу школу по подготовке собак поводырей был новый заезд, и один инвалид согласился поехать с нами на экскурсию. Он ещё не решил, будет брать поводыря или нет, просто приехал попробовать, что это такое и с чем нас едят. С нами в командировку отправили и моего инструктора Лёну. Я выступал (не поверите!) прямо в книжном магазине – показывал зрителям своё мастерство. Не стану скрывать, волновался жутко. Это вам не шуточки – можно сказать, настоящим артистом стал! Вышел на сцену, как глянул в зал и обомлел. Ну, думаю, теперь не опозориться бы. Но всё прошло на «отлично».

Так вот, на том мероприятии один фотограф подходит к моему инструктору, гладит меня по голове, чешет за ухом и говорит:

– Спасибо вам, что с Трисоном приехали, а то я сорок лет прожил и никогда собаку-поводыря не видел.

Ух, и горд же я был в тот момент!

Но приступим к делу. Вы не представляете, сколько у меня накопилось для вас историй с тех пор, как мы расстались – и хороших, и плохих, и ужасных. Даже не знаю, уложусь ли в одну повесть. Давайте договоримся так: я начну свой рассказ, а там посмотрим: повесть ли, роман ли, может, целая собачья эпопея «Война и мир» выйдет.

Глава 1

У собак, как и у людей, жизненный опыт растёт с каждым новым знакомством. Ой, только не дай бог вам таких знакомств, с которыми мне довелось столкнуться: как вспомню, так вздрогну.

Сначала всё шло хорошо. После Сашкиного прозрения тунеядствовал я недолго. Через месяц с небольшим меня передали слепой женщине-писателю. Тут, конечно, я пожил славно. Какой я всё-таки наивный пёс: думал, что здесь буду трудиться до самой своей смерти. Да не тут-то было, распрощались мы с новой подопечной внезапно – так сложились обстоятельства. А дальше... Впрочем, не буду забегать вперёд.

Хотя Анна Игоревна Кривошеева моей подопечной стала на непродолжительное время, расстались мы с ней большими друзьями. Просто теперь она живёт за границей. Предупреждаю: если встретите эту замечательную женщину, не вздумайте назвать её писательницей – жутко обижается. Она считает, что такого слова в человеческом языке вообще не существует. Ну, не нам, собакам, рассуждать на такие темы. Нет – так и нет. Это всё мелочи. Да, кстати, Анной Игоревной её никто в доме не называл. Официальное имя было где-то глубоко упрятано в бумагах, письмах, всяких там документах и тому подобном. В жизни эту очаровательную женщину все называли либо Аннушкой, либо Анютой, иногда просто Анной.

До чего же она была красива! Мне кажется, она даже немного походила на меня – золотистыми волосами. А ещё у неё были поразительно красивые губы, высокий лоб, строгий прямой нос и тончайшие пальцы. Вся она была такая хрупкая, нежная, лёгкая, прямо какая-то воздушная. Почему-то многие принимали её за балерину. Я, конечно, по театрам не хожу, живых балерин не видел, но по телевизору как-то смотрел. Нет, никакая она не балерина. Те, конечно, тоже красивые и привлекательные, но они слишком прыгучие, бегучие, скакучие, а Анна Игоревна – женщина спокойная и тихая. Плавная. Думаю, если бы какой-либо талантливый художник написал с неё портрет, то через некоторое время Лувр обменял бы его на Джоконду. Без всяких сомнений.

Вы видели эту Джоконду? В кабинете Анны Игоревны висела репродукция картины. Не знаю, что в ней люди нашли такого потрясающего? Хитрая эта Джоконда какая-то. Так смотрела, что мне даже иногда неуютно становилось. Кажется, ещё мгновение, и раскомандуется: «Ко мне!», «Сидеть!», «Апорт!» и так далее. Но самое любопытное, в какой бы угол кабинета я ни забрался, она всё время наблюдала за мной, не сводила глаз. Вот так портретик. Хотя моя подопечная прямо убивалась, что уже никогда не увидит оригинал картины, то есть мечта её так и не сбудется. Нашла о ком жалеть. Ну да ладно, бог с ней, с этой Джокондой. Не о ней речь.

Когда мы с Аннушкой гуляли в парке, меня прямо распирало от гордости за свою подопечную. Я не встретил ни одного мужчины, который, проходя мимо, не обернулся и не посмотрел бы нам вслед. Иными словами, удивительная женщина! Первое время мы гуляли только вблизи нашего дома. Но с каждым днём уходили всё дальше и дальше. Анна Игоревна осмелела до такой степени, что мы даже стали с ней ездить на трамвае в другой микрорайон. И всё это без посторонней помощи. Для незрячего человека – это, между прочим, большое событие, это свобода.

Если бы вы знали, как я в то время жил! Ой-ой-ой! Обзавидовались бы. Это... даже затрудняюсь описать. Давайте по-другому поступим. Вы помните Ивана Савельевича, Сашку, их друзей, родственников? Так вот, если бы Иван Савельевич рассказывал о моей жизни в писательском доме, он сказал бы: «Живёт Трисон, как кум королю и сват министру».

Сашка просто произнёс бы: «Круто, Триша!» Бабушка его, Елизавета Максимовна, наверное, перекрестилась бы и прошептала: «Боже мой! Как сыр в масле катается!» Мама... тут я даже не знаю. Она, скорее всего, тоже сказала бы простенько: «Не жизнь, а малина!»

Иными словами, устроился я неплохо. Семья была просто изумительная. Жили мы вчетвером в загородном доме. Я, мама, папа (Константин Александрович) и их дочь Маша. Мария была ещё маленькой – ей в ту пору исполнилось всего десять лет, но такая, скажу вам, шустрая девочка. Отец называл почему-то её егозой. Не знаю, что за слово такое, но девчонка не обижалась. Значит, хорошее слово. Маша – копия мама. По ней я мог судить, какой Анна Игоревна была в детстве.

Мы с Машей подружились с первого дня. Вы знаете, я люблю детей. Маша меня купала, вычёсывала и всегда норовила подсунуть кусочек чего-нибудь вкусенького. Я сначала отказывался, отворачивался – у меня же инструкция: нельзя ничего, кроме своего корма, есть. Но потом, чтобы не обижать девчонку, стал по чуть-чуть принимать от неё подарки. Я вспомнил: в инструкции ведь сказано, что нельзя брать корм из чужих рук. А какая же мне Машка чужая? Она была мне как сестра. Мы с ней даже в футбол гоняли вместе. Я ещё расскажу вам о ней. Думаю, Маша, когда вырастет, будет певицей. Вы бы слышали, как она поёт в караоке. Семья любила по вечерам попеть в микрофон. И даже я им подпевал. Ну, или, если хотите, подвывал. Из меня, конечно, певец никудышный, но моим сородичам нравилось, когда я участвовал в их хоре. После концерта они меня всегда угощали чем-нибудь вкусеньким – то котлетку дадут, то косточку, то конфетку.

Ой-ой-ой! Ну, надо же! Чуть ещё об одном члене семьи не забыл. Не вчетвером мы жили, а впятером. Было там такое чудо-юдо: Кисуля. Только не подумайте, что я так ласково кошечку называю. Нет, это у неё кличка такая. Говорят, когда она появилась в доме (это было задолго до меня), её называли иначе – то ли Муся, то ли Дуся – но с чьей-то лёгкой руки все стали называть просто Кисулей. Ох уж эта Кисуля! И откуда они такие кисули на мою голову берутся. Нет, жили мы с ней мирно, ладили. Но какой же она бывала занудой.

Вот представьте такую ситуацию. Прихожу с прогулки, перекусил, водички полакал и на боковую. Мне всегда нужно спать чуть больше, чем обычным собакам, – я даже когда сплю, считаюсь на работе. И вот тут начиналось. Нашей Кисуле делать-то больше нечего. Скучно ей, хочется поиграть. Ну, возьми свою мышку пластмассовую или мячик и играй себе на здоровье. Так нет же. Только я усну, вот она, Кисуля. То за хвост меня лапой потрогает, то ухо моё ей покоя не даёт. То мимо меня проходит так, чтобы своим хвостом непременно мой нос зацепить. Вот это мне больше всего не нравилось. Обычно после такой пакости я громко чихал. Несколько раз даже Аннушку своим чихом напугал. Она смеётся и говорит мне:

– Будь здоров, Трисончик!

– Ав, – отвечаю.

А Анна Игоревна-то не видит, что её Кисуля вытворяет, и, наверное, думает, что это я её благодарю. Она улыбается и говорит:

– Пожалуйста, мой дорогой.

Приятно, конечно, когда с тобой так вежливо разговаривают, а с другой стороны, что я мог поделаться? Снова лапами глаза прикрою и засыпаю. А Кисуле опять неймётся. Иногда она такое вытворяла, хоть волком вой. Возьмёт, прямо на меня залезет и лежит мурлыкает. Тоже мне, наездница. Но я в такие моменты уже и не сгонял её – думаю, лежи, только нос не щекочи. Бывало, вот так и спали вместе. А что делать? Не кусать же её, в самом деле. Вроде как своя. Но и это по большому счёту мелочи. Я чуть позже расскажу вам о специальных кошках. Те зеленоглазки не чета нашей Кисуле. Там всё гораздо сложнее.

Что бы я ни говорил, а всё равно у Кривошеевых было замечательно: прекрасный корм, приятные, как называл их Иван Савельевич, мыльно-рыльные принадлежности. Представляете, у меня в кабинете даже был собственный диван. Да-да! С подушечкой и одеяльцем.

В кабинете мне было очень хорошо, Кисуля оставалась за дверью. Её сюда не пускали. Эта подруга подмочила свою репутацию. Залезла однажды на письменный стол и разбросала по всей комнате бумаги. Да ладно бы просто бумаги разбросала, так она ещё и все салфетки изодрала в клочья, превратив кабинет прямо в какой-то осенний сад – повсюду валялись жёлто-оранжевые лепестки. Не кошка, а вредитель какой-то.

Так вот, моя подопечная трудилась за столом, а я лежал себе на диване, балдел и слушал её новые романы. Аннушка могла работать и за специальным компьютером для незрячих, но в основном начитывала главы на диктофон, а Константин Александрович или Маша потом всё это набирали на компьютере. Затем муж правил, редактировал, частенько критиковал автора. Иногда так заспорят, так заспорят, что я думал: ну всё – навеки вечные разругаются.

Нет, слышу утром, Анна Игоревна говорит:

– Костюшенька, я подумала. Действительно, эпизод с морем нужно переделать. Банально звучит. Ты прав...

– Да я не настаиваю, Аннушка, – отвечает Константин Александрович, – смотри сама, тебе виднее.

Хм! Вы слышали? Он не настаивает. Это он не настаивает? С ума сойти. Вчера ещё говорил супруге, что ничего более бездарного в своей жизни не читал. А теперь он не настаивает. Сдохнуть можно от этих людей! Хотя, откровенно говоря, я со временем перестал удивляться таким метаморфозам. Вы знаете, у творческих людей (а муж Аннушки не только редактор, он ещё и поэт) семь пятниц на неделе. Иногда сидят весь вечер, друг другу читают стихи, прозу, не удивляйтесь, но даже сказки. Восторгаются, смеются, иногда плачут. А на следующий день всё летит к...

...эх, аж скулы свело. Не понимаю я этих выражений. Как вы думаете, куда всё летело? Всё верно: конечно, к чертям собачьим. Вот объясните мне, что это означает? Ну, при чём тут собаки и черти? Это ж надо было такое придумать?! А ещё есть выражение похлеще – оно меня едва ли не с лап сшибает. «Чушь собачья». Слышали такое? Хоть убейте меня, не могу сообразить, что это за чушь такая. Вот вы всё время говорите, что собака – друг человека. Любите своих всяких там пузиков, барсиков, рексиков, капочек, пипочек. А что ни слово, то оскорбление собак. Не замечали? У вас даже, если жизнь не складывается, вы горите: «Эх, жизнь собачья настала».

Ну, например, как я жил у Анны Игоревны, так мне и некоторые люди могут позавидовать. Нормальная собачья жизнь. А вот как я теперь живу, извините, и собачьей жизнью не назовёшь.

Глава 2

Из писательского дома я попал... даже слова не могу подобрать. Бог его знает, куда я попал. Ну, конечно, не сразу от Анны Игоревны к новой подопечной, а, как обычно, через школу. У нас ведь как – вернули, забрали, вернули, забрали...

Последний раз забрали меня так забрали. Ох, и натерпелся я! Конечно, чтобы не портить вам настроение, я мог бы рассказывать только о своей жизни у Кривошеевых. Тем более после них есть о чём рассказывать. И сами хозяева были начитанные люди, я слушал их с удовольствием, и гости бывали интересные. Вообще, я там, конечно, свой кругозор расширил основательно. Но не могу же я выбросить из собачьей биографии одну из своих подопечных. Хорошо ли, плохо ли, но нужно говорить правду. Всю правду. А может, и вам эта правда когда пригодится.

Признаюсь, я даже плакал по ночам. Тихонько, по-собачьи, без слёз. Поскулю, можно сказать, мысленно и засыпаю. А часто бывало и не до сна. Жил как на вулкане. Серьёзно. В любой момент могло что-либо случиться. Вот тогда-то я и начал понимать истинный смысл выражения «жизнь собачья». Ну, да ладно, не буду плакаться. Чего уж там. Как говорил мой самый первый подопечный Иван Савельевич, от судьбы не уйдёшь. Не всем же сутками на диване валяться да в собачьих бассейнах плавать. Значит, так надо было. Жизнь, пусть даже и собачья, испытывала меня. Но скажу честно: я достойно прошёл все испытания и работу свою (да и не свою тоже) всегда выполнял на максимально возможную оценку.

Однажды Константин Александрович зачитывал письмо, пришедшее Аннушке по электронной почте. И там были такие слова: «Вся наша жизнь – это радуга. Она многоцветна. Один цвет, отрицая другой, сам выходит из предыдущего и переходит в последующий. Так и в жизни. Есть цвета, а есть оттенки. Любой цвет – это лишь часть белого, который делится на всё многообразие радуги. Нельзя поддаваться соблазну окрашивать происходящее в один цвет. Сложности человеку на то и даны, чтобы потом ярче почувствовать радость. Горе на то и бывает, чтоб оттенить счастье. Всё в жизни меняется, исправляется». Казалось бы, речь в письме шла о людях, но, думаю, и нам, собакам, сложности даются не случайно. Какая всё-таки замечательная штука эта радуга! Видимо, не зря мой Сашка ею бредил. С помощью этого явления можно многое в нашей жизни объяснить.

В общем, приехала однажды за мной Полина Фотеевна Ивахник. На вид старушка-одуванчик. Такая вежливая, внимательная, добрая. Инструктора слушала с открытым ртом, улыбалась, меня всё наглаживала, даже в нос целовала. Правда, я сразу заподозрил что-то неладное. С ней частенько под руку расхаживал какой-то дедулька. Полина Фотеевна называла его Миронычем, но всем говорила, что это её брат. Хотя я сразу догадался, что он ей такой же брат, как мне двоюродный дедушка.

Не понравился он мне, этот Мироныч, с первого дня. Он частенько куда-то исчезал, а вечером, после его возвращения, Полина Фотеевна становилась веселее, румянее и разговорчивее. Да и запах от неё тянулся не совсем для собаки приятный. Чмокнет меня в нос, а у меня потом полчаса диковинные птицы и фиолетовые звёздочки перед глазами летают. Иными словами, как вы уже догадались, старушка моя попивала, да не лимонад или квас, а кое-что покрепче. Но, думаю, что поделаешь – у каждого человека ведь свои причуды. Один попивает, другой покуривает, третий... В общем, и в этом случае не нам, собакам, рассуждать о том, что люди делают правильно, а что – нет. Главное, чтобы за нами присматривали да нас не обижали. Всё остальное на их совести.

Мы-то, ясное дело, помогали вам, помогаем и будем помогать. Помните, я рассказывал в первой книге о негласном договоре ещё на заре цивилизации между собакой и человеком? Мы тот договор по сей день блюдем свято и неукоснительно.

Эх, если бы и человек так же относился к своим обязанностям! Вы представляете, Полина Фотеевна иногда даже шлейку забывала с меня снимать. Так и спал я со своими поводырскими прибабасами. Я уж пасть не раскрываю по поводу кормления, купания, вычёсывания.

Наше знакомство с Миронычем не закончилось в школе. После того как мы переехали в квартиру к моей подопечной, он и туда захаживал. Хитрый такой старичок. Как я потом догадался (вернее, вычислил), Мироныч появлялся у нас дома аккуратно после получения моей старушкой очередной пенсии.

Меня это, конечно, очень напрягало. Ну, сами подумайте: во-первых, не нравились все эти, как бы помягче выразиться, дурмящие запахи, а во-вторых, старики часто забывали о том, что мне необходимо хотя бы два-три раза выйти на улицу. Не до меня им было. Ну, и в-третьих, я видел, что Мироныч откровенно обманывает старушку. Как только деньги заканчивались, старик исчезал – то ему нужно в деревню к родственникам поехать, то он приболел, то дома по хозяйству занят.

Иными словами, не жизнь у меня наступила, а кошмар какой-то. С моей подопечной я, например, мог целый день провести в пивнушке. Дружки Полины Фотеевны гладили меня своими грязными руками, трепали за уши, причём частенько не соизмеряя свои силы. Могли на голову мне и пиво разлить, и селедку уронить. Впрочем, и это полбеды. Однажды один бугай чуть лапу мне не отдал. Так было больно, что я не сдержался и громко рявкнул. Вообще, признаюсь: я там только и рявкал. Почти совсем забыл свои (вернее, Санькины) «ав» и «у-у».

Могли и оклеветать ни за что ни про что. Вот вам пример. Однажды сижу под столом, смотрю, на пол рыбка вяленая падает. Симпатичная такая, аппетитная, полупрозрачная. А я голодный как... с ума можно сойти, чуть не ляпнул «как собака». Вот видите, сколько у людей всяких обидных собачьих присказок. Ну да ладно. В общем, сижу голоднющий-преголоднющий – Полина Фотеевна забыла меня утром покормить, торопилась в свою пивнушку. А тут, словно с неба, на голову мне рыба свалилась. Но даже в этом случае я не накинулся на рыбёшку и не слопал её. Впрочем, у меня даже и в мыслях такого не было. Я ведь свою работу знаю. Аккуратно поднимаю этот съедобный предмет, выбираюсь из-под стола и отдаю своей бабушке. В этот момент собутыльник моей подопечной как заорёт на всё заведение:

– Ё-моё! Ты что, сволочь, делаешь?

Я сначала и не понял, что это он на меня так кричит. А пьяница продолжает:

– Вот скотина! Полька, твоя жи.. жи-жи... вотина у меня рыбу с-стырила!

Ничего себе поворотик! Сдалась мне твоя рыба. Сам проворонил, уронил, я поднял с пола, подал подопечной, и меня же ещё в воровстве обвиняет. Во даёт!

– Да ладно тебе, – заступилась за меня Полина Фотеевна, – на вот свою вонючую рыбу, не ори. Небось сам уронил, а пёсик мой поднял. Он же у меня учёный. Всё поднимает и подаёт. Спасибо сказал бы...

– Ничего я не ронял, – продолжает шуметь собутыльник, – рыбина у меня в кармане лежала. Это твоя подлая собака тайком её вытащила.

Я не выдержал такого позора и громко гавкнул. Мужчина испугался и, резко отшатнувшись назад, перешёл на визг:

– Видишь, Полька, видишь, она у тебя агрессивная стала. На людей уже кидается. Её нужно вритина... витрнтира... ну, в общем, собачьему врачу показать.

– Ты сам к врачу сходи, покажись, – съязвила Полина Фотеевна и громко рассмеялась. – Я тебе говорю, что она некрадучая собака. Понял? На, – старушка протянула собеседнику несчастную рыбину, – жри своего карася.

– Ну, уж нет, – мужчина отстранил руку Полины Фотеевны, – ещё не хватало, чтобы я после собаки ел. Отдай ей теперь, пусть уже, сволочь, доедает...

– Охренел, что ли, – возмутился другой собутыльник, – дай мне! – Он выхватил из рук женщины рыбину и впился в неё зубами, предварительно ловко отвернув ей голову.

Я сглотнул слюну и понял, что мне в этом заведении ничего не светит. Думаю, хорошо бы к вечеру домой добраться, а то ещё неизвестно, сколько голодать придётся.

– Тю, – выпучил глаза «обворованный» пьяница и, обращаясь к соседу, с удивлением спросил: – Ты что, после собаки будешь это есть? – он кивнул на обезглавленную рыбину.

– Буду, – закивал мужчина и радостно добавил: – И уже ем. А что? Это же не какая-то бродячая псина. Трисон – Полькин поводырь. Интеллигентная, можно сказать, собака.

Нет, мне, конечно, приятно выслушивать в свой адрес такие комплименты. Но, признаюсь честно, в тот вечер всё же было бы приятнее закусить «карасиком». Даже вспомнил, как мы с Иваном Савельевичем рыбачили.

– Всё равно, – недовольно буркнул мужчина, – это уж слишком. Вы его ещё за стол посадите и бокал пива ему налейте.

– Ой-ой-ой! – всплеснула руками Полина Фотеевна. – Хватит уже корчить из себя тут сибарита. Забыл, как намедни его подушечками закусывал. Вы с Пашкой полпакета «Педигри» сожрали. И ничего...

– Сравнила, – обиженно хмыкнул мужчина. – Я же не с одной миски с ним ел.

– Ладно, – махнула рукой моя старушка, – не хочешь, не ешь. Никто тебя не заставляет. А я вот лучше после Трисона поем, чем после некоторых людей.

– Эт ты на кого намекаешь? – возмутился мужчина. – На меня, что ли?

– Почему сразу на тебя? – усмехнулась Полина Фотеевна. – Мало ли отморозков на свете. Успокойся уже...

Вскоре компания забыла об инциденте, и, как мне показалось, даже брезгливый выпивоха всё же съел кусочек оброненной рыбки. Вот так всегда. Сначала возмущаются, кричат, пыжятся, а потом за нами, собаками, доедают. Тоже мне, гурманы.

Какой же я был дурак, когда обижался на Сашку за Тришу. Вы знаете, как меня частенько называла Полина Фотеевна? Ни за что не догадаетесь. Мне даже стыдно такое слово произносить. И ведь, когда трезвая была, называла правильно. А как только рюмку-другую пропустит, у неё словно язык набекрень становился. Говорит мне:

– Трусон, к mine.

Я когда первый раз услышал, вообще не понял, к кому она обращается и чего хочет. Ну, вы сами подумайте, что это за команда такая – «к mine»? Сапёр я тебе, что ли, по минным полям бегать. «К mine» – это ж надо такое ляпнуть. Я еле разобрался – оказалось, она так «ко мне» говорит. Странная женщина. А что это за имя такое? Трусон... Тьфу, какая пошлость! От слова «трус», что ли? Так какой же я трус?! Вы-то знаете, что я отважный пёс. Страшно подумать, но, может, от слова «трусый»? Ну, это вообще, позор полнейший. Чего-чего, а вот такого коверканья своего имени я никак не ожидал. Так что имя Триша мне показалось совершенно безобидным и даже приятным.

Но и имя – ещё цветочки. Я ведь помню поговорку Ивана Савельевича «Хоть горшком называй, только в печь не сажай». Что имя? Главное – я сам его помню. И в школе оно записано, и в документах моих присутствует. Никто не перепутает и не забудет. А с подвыпившего человека что взять? Бог с ним, с этим Трусонем. Кем я только в жизни уже не был, даже Рексом однажды побывал. Помните? Не облез же.

Но там другая беда была. Дело не в имени, дело в моём образе жизни. Если уж говорить честно, то я превратился в самого настоящего бомжа. Только не подумайте, что в том есть моя вина. Нет, конечно. От меня там мало чего зависело.

Первую неделю к Полине Фотеевне приезжал контролёр-инструктор, смотрел, проверял, обучал, подсказывал. Мы вместе изучили несколько маршрутов – магазин, аптека, больница, ближайший сквер и так далее. Старушка вела себя совершенно иначе, чем потом, когда её оставили в покое – и покормит, и почешет. Правда, вычёсывала и купала редко, но всё же было терпимо. А что потом? Э-э-э! Как вспомню, так вздрогну. Да я по несколько суток дома не ночевал. Подопечная моя где только не бродила, где только не спала.

Она могла просидеть целый день в пивнушке, а вечером за этим же заведением упасть в траву и уснуть. А я сижу всю ночь, сторожу её. Куда я денусь? Положу голову ей на ногу, чтобы никуда не сбежала, и дремлю. Иногда даже было самому противно на себя смотреть. Как-то увидел своё отражение в витрине магазина, чуть со стыда на лапы не рухнул. Если бы не шлейка и красный крест на ней, точно приняли бы за бродячую дворнягу.

Хотя, по правде говоря, и дома было не лучше – вечно спал в провонявшей спиртом квартире. А какое это мучение, когда подопечный забывает снять с тебя шлейку. У вас когда-нибудь чесалась, например, лопатка, а вы не могли рукой достать? Волей-неволей акробатом станешь.

Вот такая у меня была жизнь. А вы говорите – «жизнь собачья».

Глава 3

Хотите, я открою вам один секрет? По роду своей службы мне приходится сталкиваться со многими людьми – в общественном транспорте, магазинах, аптеках, парках, просто на прогулке. Знаете, как я определяю, хороший человек передо мной или нет? Смотрю на него и думаю: вот получился бы из этого господина поводырь? Если вижу, что он способен работать поводырём, значит, человек неплохой. У нас в школе среди щенят идёт колоссальная выбраковка. Порода породой, родословная родословной, однако не все щенки, даже от одной матери, могут претендовать в будущем на роль собаки-поводыря. Вот так-то!

Ясное дело, что у людей такой выбраковки не бывает. Для вас это было бы ужасным оскорблением. Но мне кажется, именно потому у вас часто и тачают сапоги пироженки, а пироги пекут сапожники. У нас такого нет. Положено тебе работать охранником, не лезь в поводыри, а то заведёшь куда-нибудь человека, выкарабкаешься потом. Только вы не обижайтесь на меня. Хорошо? Возможно, я и заблуждаюсь. Я ведь рассуждаю по-собачьи. Может, это как раз и есть тот случай, когда можно смело сказать обо мне: несёт чушь собачью. Ну да ладно, не обижусь. Я ваших университетов не оканчивал. Приходится до всего самому доходить. Могу и ошибиться.

С вашего позволения, буду и Кривошеевых вспоминать, потому как, если рассказывать только о моей жизни у Полины Фотеевны, будет слишком тоскливо. Так что вернёмся к Аннушке. Вам же, наверное, хочется узнать подробности? Расскажу и о ней, и о её горе – Аннушка ведь только в тридцать восемь лет ослепла. А до этого, говорят, была светской львицей. Правда, она, и будучи слепой, иногда ходила на всякие вечеринки, тусовки, как Машка говорила, но меня туда никогда не брали – ей там Константин Александрович помогал. Но, знаете, я не обижался. Да и за Машкой нужно было кому-то присматривать. Чего мне там делать, на тех приёмах и фуршетах? Мои фуршеты были ещё впереди – с Полиной Фотеевной так нафуршетился, на всю жизнь запомнилось.

Ещё в самом начале моей трудовой деятельности в писательском доме слышал, как кто-то предлагал Анне Игоревне по громкой связи, чтобы и меня прихватила. Но Аннушка не согласилась. Говорит:

– Что вы, что вы, всех ваших гостей распугает.

Признаюсь, я тогда, конечно, немного обиделся. Тоже мне, думаю, нашла пугало. Я ведь к людям привыкший. Что я их там, за ноги, что ли, буду хватать или в тарелки к ним лезть? Воспитанная собака, спокойная. Если подопечная с кем-то общается, я тут же заваливаюсь у её ног и дремлю, сил набираюсь. Время от времени приоткрою один глаз, оценю обстановку и дальше спать. И ухо моё всегда начеку.

Но со временем я понял, что имела в виду Анна Игоревна. Тут вот в чём проблема. Многие люди никогда в глаза не видели собак-поводырей. Так, где-то что-то слышали краем уха. А когда сталкиваются с нами нос к носу, недоумевают: дескать, солидные люди собрались, дамы, господа, дорогие платья, туфли из крокодиловой кожи, а тут слепой с кобелём припёрся. Чего уж греха таить – у нас в стране так. Я однажды по телевизору смотрел передачу. Там на какой-то съезд в европейском городе съехались со всего мира люди. Знаете, что меня удивило? Среди делегатов были слепые с собаками-поводырями. И никто не возмущался, не глазел на необычных гостей.

Скажите честно, а вы можете представить в нашей, допустим, Думе человека с собакой-поводырём? Я лично не могу. Если и разрешат прийти, наверное, бумажки да всякие справки будешь полгода собирать. Всё-таки у нас в стране ещё собака-поводырь в диковинку. Мало нас здесь. Очень мало. Да пусть бы нас здесь вообще не было, если бы люди все были

зрячими. Да в том-то и беда, что слепых много, а собак-поводырей мало. Не могу понять и другого – неужели у вас среди слепых людей нет ни одного человека, кто мог бы у вас в человеческой Думе думать вместе с другим думцами? Однажды слышал по радио, что духовно-нравственное здоровье всей нации измеряется отношением к детям и инвалидам. Ну, детям, понятное дело, в парламент рано ещё, а инвалидам? Ав-ав! Кстати, писателя Хорхе Луиса Борхеса, когда тот ослеп, приняли на работу директором библиотеки. Интересно, у нас в стране много слепых директоров?

Продолжу.

При мне Анне Игоревне исполнилось сорок два года. Если бы я точно не знал её возраст, ни за что не поверил бы. К нам в гости из Питера частенько приезжала Аннушкина подружка, Вика. Я даже её фамилию запомнил. Может быть, и не узнал бы никогда, но Константин Александрович почему-то всегда объявлял: «К нам Вика Березовская едет!» На самом деле, она не просто подруга, она Машкина крёстная мама. Красивая такая девушка, обаятельная и всегда улыбается – наверное, очень счастливая. Нравятся мне улыбающиеся люди. Жаль, что у нас, собак, нет такой способности – улыбаться.

Помните, я рассказывал вам, как пробовал произнести несколько человеческих слов? Гиблое дело. Так вот я после этого как-то тайком пытался поэкспериментировать с улыбкой. Думаю, раз уж слова произнести не удаётся, так хоть попробую поулыбаться. И давай перед зеркалом морду корчить: и так и сяк – ничего не получается. Едва челюсть не сломал. Смотрю на себя и сам себе команду: улыбаться! Что только не делал – и язык высовывал, и пасть раскрывал, как обезумевший крокодил, и нос морщил, и глаза таращил, даже ушами хлопал. Я едва челюсть себе не вывихнул, стараясь изобразить улыбку – всё пытался изобразить сияющее лицо. Нет. Хоть тресни, становлюсь каким-то уродом и агрессивным монстром. В какой-то момент даже забеспокоился: чего доброго, увидят люди, что могут подумать? С такими улыбками действительно к ветеринару потащат. Наколют всякой гадости, лежи потом на диване улыбайся. В общем, забросил я это дело. Если не суждено улыбаться, что поделаешь, ходи с кислой миной.

Ну, так вот, Викуся (как называет её Анна Игоревна) гладит руку моей подопечной и говорит:

– Анюта, открой секрет: как тебе в сорок два года удаётся такую красоту сохранять?

– Ой, Вика, не успокаивай ты меня. Какая уж тут красота на пятом десятке...

– Не скажи, не скажи, – улыбается Вика, – тебе и тридцатилетние могут позавидовать. Лучше бы она эту тему не затрагивала. Аннушка тяжело вздохнула и говорит:

– Даже если так, кому она теперь нужна, эта красота? Себя я всё равно не вижу. На люди выхожу всё реже и реже. Остаётся ждать старости да смертушки.

– Да что ж ты такое говоришь, Анна, – выдохнула Виктория, – в сорок два года о смерти думать. Ты что, подруга?

– Да все мы там когда-то будем, – отвечает моя подопечная.

– Будем-то будем, – успокаивает Вика, – да зачем раньше сроку в гроб ложиться?

– Не знаю я, Викуся, – отвечает Аннушка, – это одному Богу известно. Думала ли я раньше, что в таком возрасте инвалидом стану, да ещё по зрению? А оно видишь, как вышло.

– Поменьше бы ты переживала, Ань. Ты себя береги. Может, всё ещё наладится. У тебя прекрасный муж. Мы тебя в беде не оставим. Не о смерти нужно думать, тебе вон ещё Машку поднимать. Ты уж держись, подружка.

– Ладно, – перебила Анна Игоревна, – и впрямь, чего-то мы тему выбрали мрачную. Пойдём чаем тебя необычным угощу. Свёкр недавно гостил, привёз откуда-то издалека...

Перед тем как человек слепнет, всегда случается какая-то страшная беда. Были эти беды и у Аннушки, и у Полины Фотеевны.

В тот злополучный день Анна Игоревна с мужем и дочерью отправилась к знакомому на день рождения. Их друг жил на четвёртом этаже. Гуляли весело, гостей было немного – собрались только свои. По словам хозяина квартиры, у них за стеной жили неблагополучные соседи. Вечно у них там что-то случалось – то воду забудут закрыть, то пожар устроят, то гремят до утра. Что с ними только не делали. Участковый побеседует, два-три дня поживут спокойно, и снова всё начинается.

Друзья Кривошеевых даже собирались в другой район переехать. Но не успели. В тот вечер в квартире соседей взорвался газ. Как потом выяснилось, виновников трагедии не было дома, уйдя из квартиры, они забыли перекрыть колонку. Взрыв был такой силы, что квартиру именинника разнесло в клочья. Один из гостей погиб, остальные были ранены. Маша чудом не пострадала – она в момент взрыва находилась в дальней комнате, но перепугалась страшно – первые две недели даже не разговаривала. Константин Александрович с переломами провалялся несколько месяцев в больнице. А Аннушка навсегда лишилась зрения.

Не знаю, как сейчас живут те соседи, из-за которых случилась такая страшная беда, но от такого греха им, видимо, уже никогда не отмыться. Анна Игоревна поначалу даже хотела руки на себя наложить, но друзья и родственники постепенно вернули её к жизни.

Внезапно ослепший человек вначале считает, что это конец жизни, что дальше жить просто нет смысла. Но постепенно свыкается со своим недугом, привыкает к новому состоянию и начинает думать больше не о себе, а о своих близких, о своём предназначении в этой жизни. Слышал однажды, как Аннушка беседовала с подругой.

– Смирилась я уже, Викуся, – тихо говорит женщина, – что теперь уже поделаешь. Видимо, Бог взял такую плату за жизнь моих родных Машеньки и Кости. Лучше пусть я буду слепой, чем хоронить своих близких. Да и приноровилась уже. Работаю, пишу...

– Ты у нас умница, – подбадривает Вика. – И мы тебя любим, в беде не бросим.

– Это и придаёт силы, – улыбается Аннушка, – с вами никакие беды не страшны. Ты знаешь, Вик, а я ведь во сне вижу. Да, хожу по лесу, играю в волейбол, иногда даже машину вожу. Недавно приснился сон: сижу в кинотеатре. Смотрю на экран, а сама думаю: «Господи, да как же я всё это вижу? Я ведь совсем слепая». А мне с экрана какой-то доктор отвечает: «Вылечили мы вас, Анна Игоревна». Я не верю. Закрываю глаза руками и кричу: «Нет, нет, нет, это сон!» А доктор настаивает: «Да никакой не сон». А я ему всё равно не верю. И знаешь, что меня больше всего поразило в этом сне? Несмотря на то, что я закрыла лицо руками, всё равно продолжала видеть. Проснувшись, долго соображала, к чему всё это.

– Да, необычный сон, – подтвердила Виктория.

– Ты знаешь, Викусь, – продолжает Анна Игоревна, – я иногда думаю, что зрение для человека не так уж и важно. Главное – любить жизнь. А видеть можно и сердцем. Я часто вспоминаю великих людей, Гомера например, Островского, Борхеса, Лосева, то есть слепых писателей, философов... Сейчас многие уже и не вспомнят об их недугах. Но зато по сей день восторгаются их работами, их силой духа, талантом. Возьми того же Брайля, шрифтом которого мы по сей день пользуемся. Он ведь ещё в детстве ослеп, а какое великое дело сотворил! Весь мир пользуется его изобретением. Нет, падать духом нельзя. Нужно жить и творить. Тем более у меня сейчас есть для этого все условия. Так что переживём, подруга, всё будет хорошо.

Правильно, Анна Игоревна, как говорил мой Иван Савельевич, слепота – это не конец жизни, это начало жизни новой, неизведанной, полной сюрпризов и неожиданностей. Прав был старик. Сдаваться никогда нельзя.

Глава 4

Вспомнился один случай в супермаркете. Ох, уж эти супермаркеты! Не везёт мне с ними – просто беда. Нас с Полиной Фотеевной поначалу тоже не пускали туда. Вспоминая случай с моим путешествием в багажнике, я мысленно умолял подопечную не соглашаться с охраной и не оставлять меня одного на улице. Но зря я волновался – моя старушенция оказалась боевитой и настырной женщиной. Куда она только не обращалась, но своего добилась. Охранник на пороге кисло улыбался нам, но в магазин впускал. А куда денешься – начальство приказало.

Я сначала думал, и чего она с ними воюет, ну не пускают, да и бог с ними. У нас же рядом с домом есть небольшой магазинчик, там всё то же самое продают, что и в супермаркете. Так нет же – вот подавай ей магазинище, и всё тут. А когда понял, в чём дело, опешил. С этой бабушкой кем угодно станешь.

Вошли мы с ней в торговый зал, ходим между разными полками, она щупает руками, что где лежит. Сделали пару кругов, и вдруг слышу, Полина Фотеевна мне шепчет:

– На, дружок, угощайся! – и тычет мне в лицо куском сыра.

Я даже смутился, хотя слюной чуть не поперхнулся – пахнет вкусно. А она продолжает: – Ну, ты чего, барбос, зажрался, что ли? Не голодный? Чего рыло воротишь? Дают – бери, бьют – беги. Ешь, собака, пока угощаю.

И что мне оставалось делать? Закусил я сырком, а Полина Фотеевна мне уже десерт приготовила, пряничком угощает. Мягонкий такой, душистый, сладкий. В общем, полакомился я в тот день на славу. Старушка моя купила, наверное для виду, бутылку молока, буханку хлеба, и мы отправились домой.

– Ну как? – спрашивает старушка у меня по дороге. – Вкусно?

– Ав! – отвечаю. Вы же помните, что это означает «да».

Полина Фотеевна с первого дня нашего знакомства догадалась, что значит моё «ав».

– Ну и молодчина, – смеётся старушка. – Не обеднеют буржуи, подумаешь, кусочек сыра да пару пряников съели у них. Ничего страшного. Не бойся, Трисон, с голоду не пропадём.

Иду и думаю, к чему это она? Корм, что ли, дома закончился? Так она решила меня в супермаркете теперь кормить? Ох, не нравится мне всё это. Это что же, я из поводыря в крадуны превращаюсь? Хотя какой я крадун? Я ведь без разрешения ни кусочка никогда в жизни не возьму, хоть с голоду буду умирать. Какой с меня спрос? Я обязан подчиняться людям, выполнять их команды. Наверное, я ищу себе оправдание. Всё равно как-то неудобно, стыдно.

В общем, таким образом мы совершили несколько набегов на супермаркет. И всё сходило нам с рук. Однажды я даже поймал себя на мысли, что это моя месть магазинщикам за то, что тогда нас с Сашкой не пустили в супермаркет. Сколько я тогда помыкался! Ещё повезло – всё хорошо закончилось, а ведь могло быть и хуже. Продали бы меня бандиты какому-нибудь негодяю, а тот посадил бы меня на цепь, и сиди у будки по сей день. Ой, как страшно!

– Вставай, лежебока, – говорит как-то утром Полина Фотеевна, – пошли за добычей.

Хм, лежебока. А что мне делать? Скакать по квартире? Смотрю и недоумеваю: старушка укутывает мне спину махровым полотенцем. Чего это она задумала? Ой, не к добру. Ой, не к добру! Поверх полотенца надевает шлейку и командует:

– В супермаркет! Да поживее!

Куда тебе уже поживее? Я-то могу такую скорость набрать, что и не угонишься. Но тебя же берегу, Полина Фотеевна. Вот что меня очень сильно обижало, так то, что старушка каждый раз, отдав команду, ещё и пнёт меня ногой под зад. Ну, к чему такое обращение? Я что, без пинка не слушаюсь, что ли? Не скажу, что мне больно, но ведь обидно. Вот вы как относились бы к человеку, который говорит вам «пошли» и тут же ногой вам по заднице? И вот со всем этим мне приходится смиряться. Дорогие люди, пожалуйста, не пинайте своих питомцев. Знаете, как нам обидно?

Но то, что случилось дальше, это уму непостижимо – даже собачьему. Уже на пороге в магазин Полина Фотеевна вдруг объявила охране:

– Вот дура старая! Старая да слепая. Представляете, собачку поранила. Наливала кипяток себе в чашку и уронила чайник, да прямо на спинку своей собачке. Так жалко, так жалко псинку. Бедненькая моя собачка, – гладит меня по голове, а сама причитает: – Потерпи, голубчик, я же не нарочно, прости меня, дорогой...

Я со стыда чуть не разгавкался. Это же надо такое придумать! И главное, зачем ей это нужно? Чтобы нас пожалели, чтобы нам посочувствовали? Нет, друзья. Тут фантазия бойкой старушки пошла гораздо дальше. Как обычно, сделав пару кругов по супермаркету, позавтракав сыром и печеньем, мы подошли к стенду с колбасными изделиями. Если бы я не знал, что Полина Фотеевна слепая, никогда бы не поверил. Она так ловко упрятала мне под полотенце несколько упаковок с колбасной нарезкой, что и зрячий такой трюк не смог бы повторить. Далее, как обычно, взяли с собой бутылку молока, хлеба и направились к кассе.

Стою, а у самого лапы подкашиваются. Рассчитались и направляемся к выходу. И вот тут начались приключения.

– Гражданочка, погодите! – окликнул нас охранник.

– Чего надо? – продолжая идти вперёд, недовольно спрашивает старушка.

– Остановитесь, пожалуйста, – мужчина берёт Полину Фотеевну под руку, – нам нужно проверить вашу собаку.

– Убери руки, кретин! – вдруг закричала старушка. – Я милицию сейчас позову!

– Не волнуйтесь, мадам, – усмехается охранник, и, перегораживая нам дорогу, добавляет: – Милицию мы уже вызвали.

Вот и приехали, думаю я, дожили. И тут слышу, моя подопечная командует:

– Трисон, фас! Убери с дороги этого балбеса.

Извините, Полина Фотеевна, но эта команда не для меня. Не могу я её исполнить. Вот поверь, дорогая моя старушка, не могу. Во-первых, нас этому не обучали, во-вторых, я же не охранник-телохранитель. А женщина не успокаивается:

– Кому сказала? Фас его! Защищай меня, собака!

Ну, я, чтобы уж совсем не казаться беспомощным, гавкнул пару раз для остратки. На что охранник улыбнулся и говорит так нагло мне:

– Какая бесстыжая собака! Обворовала магазин и ещё рывкает тут. Щас как дам ногой по морде! Погавкаешь у меня тут.

Ну, скажите, дорогие мои друзья, вот это разве не «чушь собачья»? Кто обворовал магазин? Я?! Вы ещё скажите, что я так, мол, сволочь, нарочно укутался в полотенце и пришёл за добычей. Эх, люди-люди. Как же вы бываете несправедливы к нам, собакам. Я от обиды даже заскулил...

К тому времени приехала милиция, или, как теперь её называют, полиция. Сразу два человека. Видимо, один на меня, другой – на старушку. Усатый полицейский, встав на колени, сунул руку под моё полотенце и вынул оттуда три упаковки колбасной нарезки.

Внимание! Сейчас прозвучит ещё одна чушь, но это уже чисто человечья. Такое придумать могут только люди. Полицейский поднялся с пола и, громко рассмеявшись, говорит мне:

– Так ты, братец, оказывается, никакой не поводырь, а обыкновенный воришка? Поехали к нам в отделение. Оформим протокол, хозяйку твою в тюрьму посадим, а тебя усыпим на веки вечные.

Верите, я чуть не сгорел со стыда. Нет-нет, нисколечко не испугался. Чем жить на свете с такой репутацией, лучше уж и впрямь пусть усыпят. Только вот обидно. Какой же с меня вор? Я что, должен ещё лекции о нравственности читать своей старушке?

– Ты чего несёшь? – вмешалась Полина Фотеевна. – Какая на фиг тюрьма? Что вы от нас хотите?

– Успокойтесь, гражданка, – говорит второй полицейский, который помоложе. – Вы подозреваетесь в краже. Пройдёмте.

– Какая кража? – кричит Полина Фотеевна. – Вы что такое говорите?

– Тише-тише, бабушка, – успокаивает молодой страж порядка. – Разберёмся. Не шумите. Кто собаке под полотенце засунул колбасу?

– А я откуда знаю? – отвечает вопросом на вопрос Полина Фотеевна. – Какая колбаса? Первый раз слышу. Может, кто пошутил, разыграл нас?

– А вот мы сейчас отпечатки пальцев снимем с упаковки и скажем вам, кто тут шутит, а кто говорит серьёзно.

Смотрю, старушка моя стусевалась. Видимо, поняла, что дело совсем плохо. Мы молча прошли к полицейскому автомобилю и под конвоем отправились в отделение полиции.

Меня сразу по приезде закрыли в какой-то чулан с вёдрами, швабрами, тазами, тряпками. Темно и сыро. Лучше бы в обезьянник посадили, там хоть с людьми можно пообщаться. Слышу, Полина Фотеевна плачет:

– Да я просто забыла на кассе сказать об этой колбасе. Понимаете?

– Врёт бабуля, – говорит приехавший сюда же охранник магазина. – Она заранее всё подготовила, а на входе мне по ушам ездила, мол, полотенце на собаке из-за того, что дома случайно ошпарила её кипятком. Это была спланированная кража. Давайте проверим собаку. Я уверен, что она здорова, как бык.

Сам ты бычок племенной, думаю. Ну, поймали старуху, напугали до смерти и хватит. Поговорите, проведите профилактическую беседу да отпустите уже нас с богом.

Дежурный полицейский оказался явно умнее охранника. По-моему, где-то я его видел.

– Ладно, – говорит, – идите гражданин, работайте. Понадобитесь – мы вас вызовем.

После того, как охранник ушёл, полицейский, как выяснилось, знакомый, подсел поближе к Полине Фотеевне и говорит:

– Ну что ты, Фотеевна? Колбаски захотелось? На фига ты у них крадёшь? Знаешь, где я живу, да приди ко мне, я всегда помогу. Не связывайся ты с ними. Они же за кусок колбасы и голову тебе открутят, не посмотрят, что и слепая. Оно тебе нужно, Фотеевна?

– Да не хотела я у них ничего красть, – всхлипывая, махнула рукой старушка, – случайно получилось. Забыла я на кассе пробить... Что теперь будет?

– Да что будет, мать? – полицейский погладил женщину по голове. – Не забывай больше оплачивать, забирай своего Трисона да иди домой. На вот, – полицейский сунул в руку старухе несколько денежных купюр, – зайди в наш магазинчик, купи ты этой, будь она неладна, колбасы, если хочется.

Точно, это же наш сосед. По-моему, из третьего подъезда. А я думаю, что такое лицо знакомое.

– Спасибо, Сень, – улыбнулась перепуганная старушка и смахнула слезу. – Дай бог тебе здоровья! Ладно, не буду больше, – Полина Фотеевна в ответ погладила полицейского по лицу и добавила: – Ой, Сенька, повзрослел ты уже совсем.

– Что поделаешь, Фотеевна, мы тоже взрослеем, стареем. Сына, вон, уже в армию проводил.

– Да ты что? – всплеснула руками женщина. – Только ж вроде из роддома забрали. Ой, времечко, времечко...

– Фотеевна, у меня к тебе просьба, – неожиданно сменил тему полицейский Семён, – ты бы это... завязала с выпивкой.

– А что делать, Сёмка? – тяжело вздохнула Полина Фотеевна. – Порой и жить не хочется, а рюмочку-другую пропустишь, смотришь, и настроение поднялось...

– Ерунда всё это, – перебил полицейский, – хочешь, я тебе проигрыватель куплю, будешь аудиокниги слушать. Прикольная вещь. Я в машине постоянно слушаю. Тебе понравится, Фотеевна, честное слово. Хочешь?

– Ну, а чего? – хмыкнула старушка. – Если не жалко, купи. Раньше у меня радио было, сейчас не работает, а по телевизору слушать нечего.

– Да ладно тебе, – Семён погладил женщине руку, – копейки. Не обеднеем...

Раздался звонок, полицейский рванул к телефону, на ходу кому-то крикнув:

– Собаку выпустите, проводите их! – и, обращаясь к Полине Фотеевне, добавил: – Завтра после обеда зайду в гости, не уходи никуда.

Через полчаса мы с Полиной Фотеевной пили чай с пирожными. Я на всякий случай держался поодаль – бережёного Бог бережёт, наслушался про всякие чайники, кипятки.

Глава 5

Справедливости ради скажу: и в писательском доме тоже однажды у меня случилась «катастрофа». Да-да, так всегда. Лежишь, балдеешь и никогда не знаешь, что с тобой случится через пять-десять минут. Не зря говорят, что затишье бывает перед бурей.

А беда подкралась незаметно. Теперь, если меня отправят из поводырей на пенсию, попрошусь спасателем в МЧС. Ну, может, не спасателем, а инструктором – буду юных щенков консультировать и натаскивать. Вы даже представить не можете, что со мной приключилось в тот день. И смех и грех.

Лежу себе, размышляю. Вдруг слышу, наша Кисуля где-то кричит. Да-да, именно кричит, потому как мяукает она совершенно иначе. Люди, конечно, могут и не отличить мяуканье от кошачьего крика, но я в этих звуках разбираюсь хорошо. Если вы, например, слышите вой собаки, знайте, что это может быть и криком. Главное – внимательно прислушаться. Так вот. Прислушался – чую, что-то случилось невероятное.

– Помогите, – вопит наша Кисуля, – помогите, люди! Снимите меня! Мяу-мяууу! Мяу-мяууу!

Ничего себе! Я резко приподнялся, выглянул в окно, смотрю, эта дурочка залезла на самую верхушку дерева, вцепилась в тонюсенькую ветку и качается. Я чуть в обморок не упал – если она оттуда навернётся, костей не соберёт. Хоть и говорят, что кошки умеют планировать, но какой из нашей Кисули дельтаплан? Ой-ой-ой! Нужно спасти сумасшедшую кошку.

«Как тебя туда занесло? Чего ты там забыла?» – мысленно вскрикнул я.

А женщины и ухом не ведут. Понимаю, они просто не слышат. Что делать в таких случаях? Я забросил лапы на подоконник и гавкнул во всё горло. Наша гостья от испуга едва со стула не свалилась.

– Трисон! – воскликнула Анна Игоревна. – Ты чего? На улицу хочешь?

– Ав-ав! – отвечаю, немного понизив голос, а сам пялюсь в окно.

– Успокойся, дружок, – ласково говорит Аннушка, – сейчас мы закончим с Викусей разговор и пойдём погуляем, потерпи немножко.

«Да какие уж тут гулянки, миленькая Анна Игоревна, прислушайся, как твоя Кисуля верещит на дереве. Вставайте, вставайте! Гав-гав! Срочно идёте во двор!»

Видя, что женщины никак не реагируют, я взвыл волком:

– У-у-у-у-у-у-у!

– Господи боже мой, – ахнула моя подопечная.

– Он что-то на улице увидел, – тревожно произнесла Вика и подошла к окну.

«Открывай, открывай скорее, – мысленно умоляю я гостью, – сейчас вы поймёте, чего я тут растягивался!»

И что вы думаете? Нет, я ничего не имею против кошек. Не надо меня обзывать котоненавистником. Но, честное слово, иногда они бывают такими дурами! Извините, но эта... эта... Кис-с-суля неожиданно умолкла. Скажите, есть ли мозги у этих кошек? Вика открыла окно, я как дурак лезу на подоконник, а наша верхолазка словно в рот воды набрала – молчит, и всё тут.

«Да что же это такое творится! Кисулечка, родненькая, да мяукни же ты, наконец, пока окно открыто! Почему ты в самый ответственный момент замолчала? Вот глупое животное!»

Мольбы мои Кисуля, разумеется, не услышала. А может, просто онемела от страха. Вика посмотрела в окошко и снова наглухо затворила его. И тут наша акробатша снова завопила. Наверное, это и есть закон подлости, о котором так часто говорят люди. Мне ничего

не оставалось делать, как начать скулить и метаться между дверью и окном. В конце концов, женщины поняли, что всё это неспроста.

– Пойдём, выйдем на улицу, – предложила Аннушка и добавила: – Вик, позови Костю.

Высочив во двор, я метнулся к дереву и принялся громко лаять.

– Ё-моё! – вскрикнул Константин Александрович, подняв голову вверх и увидев на макушке дерева Кисулю. – Вот это фокус!

– Что такое? – испуганно спросила Аннушка. – Что случилось?

– Спокойно, Аня, спокойно, – дрожащим голосом произнесла Вика, – кошка забралась на дерево, на самую верхушку, а слезть не может.

– Наша Кисуля?

– А то чья же? – сплюнул Константин Александрович. – И чего её туда занесло...

– Вон оно что, – выдохнула Анна Игоревна. – Опасно? Достать-то её можно?

– Попробуем, – ответил мужчина и скомандовал: – Так, дамы, стойте здесь, сейчас я лестницу принесу. А ты, Трисон, помолчи, не гавкай, не пугай её, а то свалится.

«Да теперь-то мне зачем гавкать? – фыркнул я. – Вы и сами всё видите. Тут теперь не до гавканья».

Константин Александрович вернулся с лестницей, приставил её к стволу и попытался на неё взобраться, да не тут-то было. Ствол дерева оказался слишком тонок.

– М-да, – хозяин почесал затылок, – как же быть? Так-так-так...

Он снова куда-то убежал. Через минуту приволок простынь и предложил женщинам соорудить из неё что-то наподобие ручного батута.

– Стойте здесь, никуда не отходите, – командовал «спасатель», – я попробую сейчас стряхнуть её.

– Ой, – вскрикнула Аннушка, – я боюсь.

– Не бойся, дорогая, – махнул рукой, Константин Александрович, словно Аннушка могла видеть его жест. – Стойте на месте и не двигайтесь. Держите крепче простынь.

Константин Александрович принялся потихоньку трясти дерево, Вика вцепилась в уголки простыни и зажмурила глаза. Кисуля, почувствовав деревотрясение, впиалась когтями в ветку и завизжала, словно ей хвост отрывают.

– Боже мой, – шепчет Анна Игоревна и спрашивает у подруги: – Ну что там, Вика?

Женщина открыла глаза и, взглянув на «циркачку», так же шёпотом отвечает:

– Пока ничего, она боится.

Последующие десять минут не принесли никакого результата. Константин Александрович вспотел, но Кисулю так и не стряхнул – крепкая «груша» нам досталась. Я стоял в стороне и молча наблюдал за происходящим.

«Интересно, зачем она туда полезла? – думал я. – Наверняка за какой-то птичкой. Видел, как она уже не раз изображала из себя охотницу. Крадёт по газону к воробьям, влипнет в траву, ушки прижмёт, дескать, взгляните на меня, я не кошка, а рысь пятнистая. Умора просто! Но птицы всё время оставляли её в дураках. Решила, наверное, на дереве их достать. Вот глупая! Видимо, увлеклась, воробьи улетели, а доморощенная рысь осталась на макушке. А теперь орёт во всю ивановскую».

Тут подоспела ещё одна помощница. Маша. Увидев на макушке Кисулю, Маша сразу расплакалась.

– Это ещё что такое? – нахмурился папа. – Чего ты плачешь?

– Папа, а кто её туда затащил? – спросила Маша, вытирая кулаком глаза.

– Ветром занесло, – рассмеялся отец.

– Торнадо? – вытаращила мокрые глаза девочка.

– Ага, тайфун, – закивал отец и добавил: – Вместе с цунами.

– Папа, я серьёзно спрашиваю! – топнула ножкой Маша. – А тебе всё шуточки.

– Мари, – папа подошёл к дочери и взял её за руку, – я предлагаю тебе покинуть смотровую площадку. Иди в дом.

– Почему я должна идти в дом, когда здесь вся семья собралась? – возмущённо воскликнула девочка.

– Хорошо, – согласился отец, – тогда не реви. Договорились?

– Да я не реву, папочка! Как ты не понимаешь, слёзы ведь иногда сами появляются.

– Так, всё, стой молча. Я, кажется, придумал кое-что...

– Молчу-молчу, – согласилась Маша и шёпотом спросила: – А вы спасёте Кисулю?

– Спасём-спасём! – нарочито бодро ответил отец и, нахмутив брови, добавил: – Только умоляю тебя, Мария, постой молча.

– Рыба! – воскликнула Маша, явно пародируя маму. Я слышал несколько раз такой возглас из уст Анны Игоревны.

Повисла какая-то нехорошая пауза. Предчувствие меня не подвело.

– Ну что, Трисон? – неожиданно обратился ко мне Константин Александрович. – Наверное, придётся тебе лезть на это дерево...

«Вот это что-то новенькое для меня! Извините, товарищи, но я собака-поводырь. В цирке не работал, по лестницам вовек не лазал, на спасателя меня не учили. Что вы от меня хотите?»

– Справишься? – спрашивает хозяин.

«Даже не знаю, что ответить. А если я сам оттуда загужу? Что будете делать? Нет-нет, я не отказываюсь. Просто размышляю. За свою подопечную я и жизнь готов отдать. Буду защищать её до последнего дыхания. Но как-то не хочется погибнуть из-за глупой кошки. Может, пожалеете меня?»

– Давай, дорогой, – предлагает Константин Александрович и подводит меня к лестнице, – аккуратненько взбирайся, попробуй снять эту идиотку.

Что делать? Так уж я приучен – команды человека выполнять. Тут не поспоришь. Да и не могу я прослыть трусом. Это ж какой потом позор! Скажут: вот тебе и отважный лабрадор – на лестницу испугался залезть. Нет, надо так надо. Прощайте, если что! Жутко, но породу свою не подведу, не опорочу! Вдохнул я тяжело и полез на эту треклятую лестницу. Не стану кривить душой. Страшно было до ужаса. Лезу, дерево качается, Кисуля орёт. Скажу вам по секрету: у самой лапы дрожат, сердце куда-то в хвост перебралось, язык вывалился, в горле пересохло.

«Всё, – думаю, – вот и пришёл мой конец, отправили меня на верную гибель».

Преодолев на лестнице несколько ступенек, я мельком взглянул вниз – дыхание перехватило. У меня таких высот даже в школе не было. Да и кому там в голову могло взбрести, что я, работая поводырём у слепого человека, буду лазать по лестницам.

«Ну, – думаю, – Кисуля, если всё обойдётся, задам я тебе трёпку, когда хозяев не будет дома. Я тебе устрою и цирк, и дельтаплан – будешь у меня летать по дому, как угорелая...»

Я даже не заметил, как добрался до середины лестницы. Ещё две-три ступеньки, и можно будет ухватить эту дурёху за загривок. Но тут самое главное – самому бы не свалиться. Внизу под нами растянута простынь, но она кажется такой далёкой и крошечной, что попасть в неё просто невозможно.

– Давай-давай, Трисончик, – подбадривает меня хозяин, – давай, дорогой, ещё чуть-чуть.

«Да даю-даю, – мысленно рывкаю я, а из пасти вырывается только жалобное поскуливание, – нашли спасателя...»

Поравнявшись с мордой Кисули, я тихо произнёс:

– У тебя мозги есть? Ты зачем сюда забралась?

– Мяу-мяу, – пищит Кисуля, а сама вся дрожит.

Я потянулся к ней, чтобы ухватить её за спину. И вдруг это неблагодарное создание природы начало на меня шипеть:

– Ш-ш-ш-ш! Не трогай меня!

– А как я тебя отсюда сниму, не трогая? – спрашиваю уже возмущённо. – Ты в своём уме?

– Ш-ш-ш-ш! – повторила Кисуля.

А снизу мне кричат:

– Хватай её, Трисон, хватай!

– Попробуй только прикоснись ко мне, – угрожает Кисуля, – я тебе всю морду поцарапаю.

«Ну что ты будешь с ней делать, – я чуть не плачу. – И кто тебя послал на мою собачью голову...»

Меня это стало злить.

– Знаешь что, дорогуша, – рычу я. – Если ты сейчас не бросишь эту ветку, я её отломаю, и мы вместе рухнем вниз. Будь что будет.

– Трисончик, мяф-мяф, – взмолилась Кисуля, – я боюсь! Я боюсь!

– А ты думаешь, я не боюсь, – отвечаю грозно. – Но что-то ведь нужно делать. Ты тут жить собралась, на этом дереве? Ну-ка, отцепись от ветки, прыгай на меня и крепко держись.

– Не могу! Мя-а-а-ав! Не могу, мне страшно!

В этот момент лестница дёрнулась и повернулась вокруг хлипкого ствола. Не помню, что произошло, но я рефлекторно вцепился зубами в ветку, на которой сидела Кисуля. Ветка громко треснула, и я почувствовал себя космонавтом в невесомости – мы летели вниз. Неожиданно всё моё тело пронзила страшная боль. Я сначала подумал, что мне оторвало лапу – так было нестерпимо больно, что у меня в глазах всё потемнело. Пришёл я в себя только в доме. Оказывается, я перед самым приземлением на рукотворный батут угодил лапой в рогатину, в которой и застряла моя несчастная лапа.

Приехавший ветеринар наложил мне на лапу какие-то деревяшки, туго обмотал бинтом, сделал болючий-преболючий укол и приказал, чтобы я не двигался. Юморист. Какие тут движения? Уснул мгновенно.

Проснулся от чего-то тёплого. Открываю глаза – не поверите: сидит это чудо рядом со мной и умывает мне лицо. Мурлычет на весь дом, словно у неё праздник какой. Ничего не стал говорить, закрыл глаза и продолжил дремать. Сквозь сон только расслышал:

– Мурррррр, пррррости, дррррруг! Спасибо тебе, Тррррисончик.

– Ух, подлиза, – проворчал я и снова уснул.

Глава 6

Отбегался. Долго вспоминал мудрёное слово. Как там у вас называется? А, вот, вспомнил: колченогий. Словом, превратился я в колченогого пса. Одно утешало: мои родственники поговаривали, что это было ненадолго. Я лишь изредка выходил на улицу, точнее выползал. Если бы вы знали, как же это неудобно ходить с деревянной ногой. Сам хромал, а в душе посмеивался над собой: есть рыболовы, птицеловы, а я теперь кто? Котолов, выходит. А если быть совсем уж точным, то кисулелов. Во какое слово придумал. Жаль, только произнести не мог.

У Кривошеевых было для меня одно приятное занятие. На целую неделю моим другом стал телевизор. И вот как-то вечером смотрел передачу о лабрадорах. Вы, конечно, уже читали мой рассказ в первой книге, но кое-что интересенького всё-таки добавлю. Вы же знаете, что о своей породе я могу рассказывать бесконечно. Но то, что я услышал в тот день, уму непостижимо. Осторожно! Не упадите от смеха или от испуга. Представляете, до чего договорился один из телевизионщиков? Я даже ушам своим не поверил. Оказывается, есть версия, что мы, лабрадоры, произошли от скрещивания ретривера с выдрой. Я так в душе смеялся (со стороны это выглядело скулением), что едва вторую ногу не сломал. Вы видели этих выдр? Что-то мне не очень хочется к ним в родичи. Но у учёных свои объяснения. Они говорят, что когда-то давным-давно были собаки, которых называли выдровыми и водяными. И вроде как расцветкой и повадками они были очень похожи на выдр.

Я не спорю, с водой нас связывает многое. В прошлом наша порода была самой любимой среди ньюфаундлендских и португальских рыбаков. Помните, я рассказывал вам, что люди всегда брали с собой двух лабрадоров в каждое плавание. Но вы же не станете говорить, что для охраны шхуны. От кого там, в море, охранять рыбаков? От акул, что ли? Нет, мы уже тогда были спасателями, и в случае крушения корабля вытаскивали на сушу специальный трос, по которому люди добирались до берега. Теперь вы понимаете, почему я так отважно полез на эту треклятую лестницу? Потому что я не только мореплаватель, а ещё и спасатель от рождения. Имейте это в виду.

Но что интересно, мы не только спасали людей, мы ещё и помогали рыбу ловить. Не смейтесь. Не на удочку, конечно, но сети вытаскивали – работали вместе с североамериканскими индейцами. И это для нас было не просто забавой. Воды Атлантического океана зимой жутко холодные, а у нас ведь шерсть густая и плотная. Мои предки ничего не боялись – смело бросались в ледяную воду и были просто незаменимы. А после рыбалки мы ещё помогали и добычу дотащить домой. Вот так.

Водных версий немало. По мнению некоторых исследователей, вот каким образом лабрадоры появились в Европе. Однажды команда судна «Кантон» из Балтимора спасла экипаж тонущего английского брига, шедшего из Ньюфаундленда. Вместе с людьми из воды вытащили и щенков, которых капитан «Кантона» оставил в Балтиморе.

Впервые европейцы познакомились с моими предками в морских портах города Сент-Джонс. Обидно, конечно, но нас не сразу признали отдельной породой. И это несмотря на то, что таких собак рисовал уже Тициан. Только в 1812 году полковник Питер Хокер решил, что этот вид отличается от всех других, и предложил назвать нас Собакой Святого Джонса или лабрадором. Длинное и трёхсловное название породы не прижилось – закрепилось слово «лабрадор». О версиях происхождения названия я уже рассказывал, не стану повторяться. Тут ничего нового. Напомню лишь, что моя любимая версия – слово «лабрадор» произошло от португальского слова «труженик».

Вернёмся в наше время. Так вот. В течение последних лет наша порода неизменно входит в пятёрку самых распространённых пород в мире. И вы думаете, это случайно? Нет, конечно. Скажите лучше, чем мы не умеем заниматься?

Возьмём для примера охоту. Поверьте, лабрадор – это неутомимый помощник охотника, лучший апортировщик, отличная подружейная собака. Безошибочно разыскивает подбитую дичь на суше и в воде. Спросите у любого заядлого охотника: этого мало? Но ведь мы ещё обладаем и великолепным чутьём, и выносливостью, можем свободно распознать выстывший кровавый след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.